

Мария Елифёрова

СМЕРТЬ АВТОРА

Count Dracula

Мирослав
Эминович

Пожалуй, один из лучших дебютов последнего времени.

Лев Данилкин, «Афиша»

Мария Елифёрова

Смерть автора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984871

Аннотация

Действие происходит в Лондоне 1913 г. Автор модного триллера "Мирослав боярин" интригует публику заявлением, что у его сверхъестественного героя есть реальный прототип. Вскоре появляется и сам герой – и, конечно, сеет смятение в Лондоне. Прозрачно закамуфлированная история Брэма Стокера и его романа "Дракула" исследует отношения между автором и героем, причуды читательских вкусов и стереотипы мышления публики. Чтобы окончательно всё запутать, появляются вымышленный киноактёр Имре Микеш, играющий Мирослава в экранизации, и настоящий Герберт Уэллс.

Содержание

Пролог	5
Кн. 1.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Правда – это не то, что от вас скрывают.

*Правда – это то, что вы видите, но не желаете
верить.*

Г. К. Честертон

Пролог

Заметка из номера Times от 19 декабря 1913 г.

С прискорбием сообщаем читательскому миру о постигшей его тяжёлой утрате. Вчера Алистер Моппер, прославленный автор всем известного «Мирослава боярина», был найден мёртвым на станции метро «Гайд Парк Корнер» у стены одного из выходов. Он скончался рано утром 18-го числа на 67-м году жизни. Внимание полиции привлекает записка, обнаруженная в руке покойного. В ней значится: «Прощайте. Больше мы не увидимся. М.». Это даёт основания подозревать самоубийство.

Заметка из номера Times от 22 декабря 1913 г.

Утешительная новость для поклонников творчества Алистера Моппера – писатель не кончал с собой. Это однозначно показывают результаты судебно-медицинской экспертизы, которая установила, что смерть наступила в результате апоплексического удара. Кроме того, сличение записки с образцами почерка мистера Моппера доказало, что она написана не его рукой. Кто этот «М.», пославший записку, вероятно, останется невыясненным. Похороны писателя состоят-

ся 24 декабря в 14.00 в Вестминстерском аббатстве. Перед этим начиная с 11.00 гроб с телом Алистера Моппера будет выставлен для прощания в часовне святого Йорика. Все желающие почтить память великого романиста могут явиться.

Кн. 1.

ПИСАТЕЛЬ, ЧИТАТЕЛЬ, ГЕРОЙ

Из журнала *The New Age*, №4/1913.

Мастер мистерии слова

Наконец-то совершилось событие, которое предвкушала читательская публика с конца прошлого года – переиздан «Мирослав боярин» Алистера Моппера. С самого момента своего первого издания в 1908 году он снискал необычайную популярность, и мистер Моппер заслуженно пожинает свою писательскую славу. Роман открыл британскому читателю существование целого мира, о котором тот даже и не подозревал – мира, не имеющего ничего общего с размеренным мирком викторианского романа, где все события составляют разговоры, а кульминацией является отказ героини от предложения вступить в брак. Мир, открытый для нас Моппером, так же далёк от викторианского, как виски от овсяного супа – это мир бесконечно враждебный и бесконечно притягивающий; он может шокировать своей жестокостью, но под обаяние его нельзя не подпасть – в первую очередь потому, что это мир *другой*, не-английский.

Восточная Европа – не Англия; никто ещё не заявлял об этом так прямо и бескомпромиссно, как Алистер Моппер. Восточноевропейская тема является сквозной в романе, хотя большая часть его действия происходит в Англии. Это совершенно особый тип культуры, ещё мыслящий древними категориями коллективного бессознательного, где сон и явь неотделимы друг от друга, а первобытные архетипы обретают пугающую реальность. Главный герой, Мирослав Э. – яркий представитель этого типа сознания. Моппер воспроизводит восточноевропейскую психологию с поразительной достоверностью: стихийные, тёмные движения инстинкта сочетаются в Мирославе с непомерной гордостью и жадной властью в любой её форме, мрачное упорство, с которым он плетёт свои заговоры, мгновенно сменяется слепой злобой в случае провала. Этому характеру свойственна особая, драматическая агрессивность, поэтика ярости и отчаяния. При всём ужасе, который вызывают деяния Мирослава, его фигура завораживает: он, несомненно, удался автору более убедительно, чем положительные герои романа. Страшный конец Мирослава вызывает чрезвычайное напряжение в читателе: здесь разрешение трагической цепи событий, к которому исподволь готовил нас Моппер. Автор искусно меняет регистры повествования с помощью избранного им документального жанра, в который он поистине вдохнул новую жизнь. Сухой тон газетной хроники неожиданно сменяется интимным лиризмом девичьего дневника, а последний – от-

чаянной болью предсмертной записки. И всё это пронизано необычайными событиями, многие из которых так и не получают до конца объяснения. Существовала ли собака-оборотень, или она плод выдумки журналистов? Кем приходилась Мирославу девушка в белом? Был ли Мирослав влюблён в леди Белинду, которую он избрал для исполнения своих дьявольских планов? Мы так этого и не узнаем. Моппер со свойственным ему художественным чутьём предпочитает оставить это тайной.

Мэтью Арчер

**Из еженедельного журнала *The Literate Modernity*,
№7/1913.**

Тайна и таинственность

По-видимому, надежды на то, что у британцев когда-либо выработается литературный вкус, следует оставить окончательно. Свидетельством тому недавнее переиздание пресловутого «Мирослава боярина», с помпой разрекламированное в таком высоколобом журнале, как *The New Age*, и кем же – самим Мэтью Арчером, автором статей о Шекспире и Стерне. Мистер Арчер всерьёз, кажется, полагает, что коммерческий успех романа прямо пропорционален дарованию Алистера Моппера. По крайней мере, он ни разу в этом не усомнился.

Критик пишет об особых заслугах Моппера в постижении восточноевропейской природы. Что же такого нового мы узнаём о восточноевропейцах из «Мирослава боярина»? Что они властолюбивы, злобны, хитры и находятся не в ладах с христианской этикой – набор немудрящих стереотипов, восходящих ещё к эпохе романтизма. Мирослав, конечно же, как заглавный герой должен обладать этими качествами втройне; конечно же, должен быть высоким брюнетом с орлиным носом, бледным лицом и остроконечной бородкой (воздушный поцелуй Льюису и Анне Радклиф!) – и, разумеется, просто не может не страдать мизантропией и припадками истерической ярости. Непонятно, какое отношение эта взвесь байронизма в тусклом подражании готическому роману имеет к «открытию» мира Восточной Европы и вообще к какому-либо открытию.

Мистер Арчер пишет о «тайне» в романе Моппера; на наш взгляд, вместо тайны роман полон самой низкопробной таинственности. Собака-оборотень, девушка в белом, бьющаяся в окно сова – нехитрый арсенал литературных ходов, дошедших без изменения из XVIII столетия; но мы-то полагали, что они в наше время сохранились только в шестипенсовых романах ужасов. Выкиньте их из «Мирослава боярина», и от романа ничего не останется. Попытка Моппера осовременить сюжет, внеся туда поезда, телефон и дискуссии о науке, не производит никакого иного впечатления, кроме комического. Что же касается упомянутой мистером Арче-

ром смены стилевых регистров, то она представляет собой весьма неловкую и поверхностную имитацию. Собственно, у Моппера существуют всего лишь два «регистра» – официально-деловой и тон самой напыщенной сентиментальности (в первой выдержке из дневника Белинды слово «милый» повторяется 11 раз). Речевых различий у героев нет никаких: невозможно понять, когда говорит Белинда, а когда Элоиза, и дневники обеих, а свою очередь, неотличимы от путевых записок Тимоти. Слово же «ужасный» повторяется столь часто, что воспринимается как бессмысленный набор типографских знаков.

Что же касается фактографической стороны романа – которую критик из *The New Age* вовсе не затрагивает – то она ниже всякой критики. Моппер полагает, будто «Мирослав» – мадьярское имя (меж тем как это имя славянское и встречается где угодно, только не у мадьяр); помещает Слатину на границе Венгрии и Литвы (*sic!*); явно путается в вероисповедании своего героя. Ему неизвестно даже то, что у русалок в восточноевропейских поверьях не бывает рыбьих хвостов, они выглядят как люди и носят одежду. К числу особых перлов принадлежит и русский граф по фамилии Успенский: да будет известно мистеру Мопперу, что такие фамилии в России носит только духовное сословие, в которое дворянам вступать запрещено. Таким образом, если читатель последует Мэтью Арчеру и будет искать у Моппера отражения Восточной Европы, ему грозит перспектива попасть в глупое

положение.

Бернард Кросс

Из The Literate Modernity, №8/1913.

Письма читателей

...Вызывает глубокое возмущение та надменность, с которой мистер Кросс разносит в пух и прах Моппера. Что это, зависть к успеху талантливого писателя? Не потому ли мистер Кросс обрушивается на роман, что сам не способен произвести ничего, кроме фельетона? Откуда такой нигилизм по отношению к британской литературе? Может быть, мистер Кросс, и Шекспира, по-вашему, написал не Шекспир, а граф Рэтленд? А мы-то полагали, что англичанин должен с уважением относиться к культуре своей страны. Остаётся надеяться, что для мистера Кросса ещё не всё потеряно – он ещё может изменить свою точку зрения на роман.

Анджелина Сноуфорд, Бирмингем.

...Мелочная придирчивость Бернарда Кросса к фактам и датам производит некоторое недоумение. Здесь виден полный непрофессионализм его как критика. Он незнаком с тем элементарным положением, что следует разграничивать правду факта и художественную правду, поскольку это далеко не одно и то же. Художественная правда «Фауста» несрав-

нимо выше того факта, что с историческим доктором Фаустусом ничего подобного не происходило и что верить в сделку с дьяволом могли только наши невежественные предки. Художественная правда не только не совпадает с фактографической, но может и прямо противоречить ей. Мистер Кросс, прочтя роман весьма поверхностно, обращается с ним как с газетной хроникой или репортажем из зала суда, сосредоточив внимание на допущенных автором неточностях и совсем не видя художественного целого.

Фрэнсис Ривз, преподаватель английской словесности, Оксфорд.

...Кросс оказался достоин своего имени и не обманул ожиданий. Давно пора было подобраться к идолу массовой публики, но для этого требовалась смелость. Не всякий сумеет вот так просто заявить, что король голый. Разумеется, это вызовет немалое недовольство среди ценителей творчества Моппера; но что нам до этого? Кросс с убийственным сарказмом показывает нам истинную цену опусов вроде «Мирослава боярина». Вот трезвый взгляд на современную словесность, которого так не хватало нашей критике.

Грэм Уильямс, Лондон, Южный Кенсингтон.

Вырезка из Times от 26 февраля 1913 года.

Недавно Фред Беркли, владелец киностудии «Золотой

Парнас», начал переговоры с Алистером Моппером по поводу экранизации «Мирослава боярина». За либретто по собственному роману Моппер получит 250 фунтов. Предполагается, что в главной роли будет занят настоящий мадьяр, а именно Имре Микеш, уже прославившийся в прошлом году в роли Тамерлана. Некоторую проблему составляет рост актёра, который едва превышает средний, но для него сделают специальные сапоги на толстой подошве.

Из журнала The New Age, №8/1913.

Ответ на критику

Я очень рад, что моя статья в прошлом номере журнала вызвала столь бурную дискуссию. Я даже не ожидал такого количества откликов. Замечу только одно: сам факт того, что о романе Алистера Моппера спорят столь оживлённо, свидетельствует в пользу незаурядности этого произведения. Истории известно, как долго шли диспуты вокруг многих выдающихся авторов, прежде чем их зачислили в разряд классиков. Едва ли не на всякое подлинное новаторство поначалу сыпались упрёки и обвинения в дурном вкусе; достаточно вспомнить, что ещё полтора столетия назад дурновкусие казалось главной чертой Шекспира – если уж неоспоримый гений не застрахован от таких нападков, то как же быть талантам более скромного масштаба, не претендующим на лавры

великого барда? Вся прелесть Моппера и состоит в том, что он не Шекспир и не может быть втиснут в чужие мерки. И для меня это отнюдь не недостаток Моппера. Именно в стилизации, в воссоздании атмосферы старинного готического романа на современной почве и заключается очарование манеры Моппера. Привычные детали и атрибуты этого жанра, попадая в обстановку XX века, обретают совершенно новое и неожиданное звучание.

Ни литература, ни критика не стоят на месте; требовать от романа достоверного отображения жизни могли наши деды полвека назад, сейчас же представления о литературе и реальности изменились, и наивный натурализм неуместен в приложении к роману, в котором сталкиваются две различные реальности – реальность литературной традиции и реальность современной жизни. В жизни, увы, такое неосуществимо. Что, если бы вдруг среди нас появился Мирослав-боярин и дал свою оценку романа о себе самом? Можно только гадать, какое суждение он бы высказал; но то, что с точки зрения современного художественного поиска роман представляет собой значительное явление, сомневаться не приходится.

Мэтью Арчер

Из The Literate Modernity, №9/1913.

Комментарий автора

Вся дискуссия вокруг моего романа чрезвычайно любопытна. Мне льстят как комплименты Мэтью Арчера, так и боевая готовность Кросса разнести меня в пух и прах. Это демонстрирует, насколько сильно сам факт существования моего романа задевает за живое. Я буду только рад, если полемика вокруг «Мирослава боярина» продолжится. Однако мистер Арчер весьма неосторожно высказал мысль о том, что было бы, если бы в дискуссию вступил сам герой романа. Я бы посоветовал мистеру Арчеру не дразнить гусей и не искушать ситуацию: как гласит старинная английская поговорка, помяни чёрта, и он явится. В остальном же я поддерживаю включение в полемику самых широких читательских кругов и готов выслушать любые мнения, поскольку они меня очень интересуют.

Алистер Моппер

Из Pall Mall Gazette от 28 февраля 1913 года.

Интервью с Алистером Моппером,
*автором «Мирослава боярина», ведёт наш корреспондент
Джеймс Уолпол.*

Корр.: Мистер Моппер, второе издание вашего романа удвоило его популярность. Что вы чувствуете по этому поводу?

А. М.: Я очень рад, что мой роман имеет успех. Огорчает только, что издатель не захотел включить в книгу превосходные иллюстрации Генри Ховарда – как мне объяснили, это сделало бы издание коммерчески невыгодным, несоразмерно увеличив его стоимость. Тем не менее мне очень приятно, что роман читают.

Корр.: На читателей произвело крайне интригующее впечатление ваше заявление в №9 The Literate Modernity. Следует ли его понимать как намёк на то, что Мирослав-боярин существует?

А. М.: Странный вопрос. Что бы вы ответили, если бы вас спросили, существует ли Гамлет? Или Робинзон Крузо?

Корр.: Разумеется, в качестве литературного персонажа. Но из вашего высказывания в печати можно сделать вывод, что Мирослав-боярин существует, так сказать, во плоти. У него есть живой прототип?

А. М.: У всякого литературного героя есть свой прототип. В конце концов, на этом положении основано христианское вероучение.

Корр.: У вас отменное чувство юмора, мистер Моппер, но я бы не назвал его вполне английским. Уж не взяли ли вы вашу манеру высказываться от Мирослава-боярина?

А. М.: Почему бы и нет? От него можно многому научиться.

Корр.: Итак, вы признаёте, что настоящий Мирослав существует и вы с ним знакомы.

А. М.: Я этого и не отрицал.

Корр.: Неужели подобный человек в самом деле может существовать? Он действительно имеет отношение к событиям, описанным в книге?

А. М.: Не ко всем; часть эпизодов мною вымышлена. Вы же не будете отрицать за писателем право на вымысел?

Корр.: Разумеется, нет. Но всё-таки в целом – можно ли говорить, что Мирослав списан с реального лица?

А. М.: В целом – да; смотря что понимать под целым. Наполеон у графа Толстого ведь тоже в целом списан с реального лица.

Корр.: А если не секрет, не могли бы вы раскрыть имя прототипа?

А. М.: Мне совершенно нечего скрывать или раскрывать, поскольку этот герой выведен в романе под собственным именем. Его в самом деле зовут Мирослав, и фамилия его начинается на «Э». Я не могу сказать больше, чем сказано в романе.

Корр.: Может ли читательская публика рассчитывать на то, чтобы познакомиться с ним? Иными словами, могли бы вы представить его нашему журналу?

А. М.: Это крайне нежелательно. Введение его в дискуссию о романе может иметь сложные последствия. Однако если он сам пожелает в неё вступить, я не в силах ему воспрепятствовать.

Корр.: Всем интересно узнать происхождение знамени-

той фразы из вашего романа: «Вы ещё придёте ко мне пить чай». Произнёс ли эту фразу настоящий Мирослав, или это художественный вымысел?

А. М.: Боже мой, конечно, вымысел. Мне требовалась стилистически нейтральная реплика для завершения главы, вот и всё.

Корр.: И последний вопрос. В настоящее время, насколько мне известно, студия «Золотой Парнас» занимается съёмками фильма по мотивам вашего романа, за которыми вы наблюдаете лично. Как вы оцениваете кинематографическое воплощение ваших замыслов? Насколько удачно, на ваш взгляд, Имре Микеш передаёт образ вашего героя?

А. М.: Об этом ещё рано говорить. Съёмка только начата. Надеюсь, исполнение действительно окажется удачным.

Корр.: Большое спасибо. Надеемся услышать ваше мнение после съёмок фильма.

Из Times от 3 марта 1913 года.

Британский читающий мир ошарашило интервью Алистера Моппера в Pall Mall Gazette от 28 февраля с. г. Известный писатель прозрачно намекает, что человек, подобный Мирославу-боярину, существует на самом деле и даже, в отличие от героя романа, жив и невредим. Скорее всего, мы имеем дело с очередной мистификацией писателя, потому что для всех, кто читал роман, очевидно, что поверить в происходив-

шие в нём события невозможно – это противно и разуму, и логике, и человеческому естеству. Впрочем, Моппер открыто признаётся, что значительная часть описанного в книге – художественный вымысел.

Из писем, полученных Алистером Моппером 1 – 17 марта 1913 года.

...Я просто удивляюсь, как вы, мистер Моппер, собираетесь удерживать человека, послужившего вам натурой, от дискуссии о нём самом. По отношению к нему это высокомерие – он, в конце концов, не ребёнок, чтобы указывать ему путь, – по отношению к читателям вашего романа это преступление.

Мэтью Арчер, литературный критик.

...Согласитесь, мистер Моппер, ваша туманность вокруг прототипа героя, на который вы намекнули, – фокусничество самого дурного тона. Читателей интересует прежде всего истина.

Эльза Моррис, корреспондентка журнала The Egoist.

...Писатель Моппер заявляет, что Мирослав-боярин списан с реального человека. Почему же вы, мистер Моппер, отказываетесь этого человека нам предъявить? Не потому ли, что предъявлять вам некого, и Мирослав – выдумка от нача-

ла и до конца?

N.N., сердитый читатель.

...Не могли бы вы уговорить Мирослава-боярина, если он в самом деле существует, дать в частном порядке интервью нашему журналу?

*Ричард Сэмюэл Симпсон, редактор еженедельника
Present & Modern Life.*

...Никакого Мирослава-боярина не существует. Ни один порядочный человек не вынес бы ужасов, какие возводятся на героя книги. Если бы он существовал, он бы затаскал вас по судам.

Элизабет Редгрейв, цветочница.

Письмо Алистера Моппера от 19 марта 1913 года.

*Джеффри Джейсону,
ведущему рубрики «Личность» в журнале
The Literate Modernity.*

Дорогой м-р Джейсон,

вы, конечно же, знаете, что после моей неосторожной обмолвки о настоящем Мирославе-боярине меня завалили письмами с требованиями «предъявить» героя публике. Один Бог ведает, насколько тяжело мне даётся это согласие;

но тот, о ком идёт речь, согласен. Я, в свою очередь, соглашаюсь представить его единственному корреспонденту; его выбор пал на вас, так как он считает вас наиболее объективным журналистом. Я жду вас 21 числа у себя дома, Хай-Эндз, 44, в 11.30 вечера. Заранее прошу извинения за столь позднее время – к сожалению, Мирослав не сможет прийти раньше. Убедительная просьба приходить одному и не брать с собой фотокорреспондентов.

С уважением,
Алистер Моппер.

Из The Literate Modernity, №13/1913.

Герой книги Моппера – реальное лицо! Нашему корреспонденту Джемсффри Джейсону удалось взять у него интервью.

Разговор с Мирославом-боярином

Вначале следует пояснить любопытному читателю, что мне выпала уникальная честь стать тем журналистом, которому Алистер Моппер согласился представить своего героя. Об этом он уведомил меня в частном письме, где утверждал, что этим выбором я обязан не ему, а лично Мирославу Э., который оценил мои статьи и предпочёл видеть меня в качестве своего интервьюэра.

Я явился в дом писателя ровно к назначенному времени

– 11.30 вечера. Моппер встретил меня с большим радушием и проводил в гостиную, выходящую стеклянными дверями в сад. Его сад, в котором сейчас в полную силу расцвела его превосходная коллекция тюльпанов, даже в лунном свете являет собой великолепное зрелище. Присев рядом со мною на диван, Моппер выразил своё сожаление по поводу того, что герой репортажа опаздывает.

– Придётся немного подождать, – сказал он. – Мирослав всегда держит данное слово, и он обязательно явится.

– Разрешите задать вам вопрос, – любопытно спросил я, – где вы с ним познакомились? Насколько известно читающей публике, вы никогда не бывали ни в одной из стран Восточной Европы?

– В Лондоне, – ответил Моппер. – Я столкнулся с ним десять лет назад, случайно оказавшись участником тех событий, которые я впоследствии описал в романе.

– Полно, мистер Моппер! – рассмеялся я. – Мистификации кончились. Вы же не станете утверждать, что хоть что-то из описанного в «Мирославе боярине» возможно на самом деле.

– Я никого не мистифицирую, – серьёзно ответил писатель, потягивая длинную восточную трубку. – Вещи, которые происходили тогда в Лондоне, странные, но вполне реальные. Я знаком со всеми участниками этих происшествий.

– И с главным виновником?

– С ним в первую очередь.

Я сидел в напряжении, ожидая визита, ради которого пришёл сюда. Читатели меня поймут, если представят себе, что это значит – сидеть в полумраке гостиной, беседуя со знаменитым автором «Мирослава боярина», и под тиканье назойливых часов ждать, когда распахнётся дверь, когда в проёме покажется высокая стройная фигура, облачённая в чёрное, и свет камина упадёт на бледное лицо, знакомое нам по страницам романа... Но минуты шли, а Мирослав всё не появлялся. Моппер предложил мне бренди, но я отказался.

– А как он относится к вашему роману, написанному о нём?

– Об этом вы лучше поговорите с ним самим. Но вообще-то, – добавил Моппер, посмеиваясь, – он скептик по натуре.

Нашу беседу прервал лёгкий стук в стеклянную дверь со стороны сада. Я глянул туда; стучавший был, по всей видимости, садовником Моппера – столь же экзотическое создание, как и всё в этом доме. Небольшого роста человек с неприятной восточной внешностью, одетый лишь в светлый полотняный костюм, довольно поношенный и перепачканный землёй, он стоял перед самой дверью, держа в левой руке небольшой изящный букетик только что срезанных фиалок, а свободной рукой, усмехаясь, ритмично постукивал по стеклу.

Прежде чем я успел как-либо отреагировать, хозяин дома пробормотал:

– Господи! Через забор перелез! – вскочил с дивана и отпер стеклянную дверь.

Незнакомец с достоинством переступил порог гостиной и хрипловатым голосом с мелодичным иностранным акцентом произнёс:

– Приношу извинения, Алистер, за то, что заставил ждать тебя и мистера Джейсона.

С этими словами он запросто положил мне на колени фиалки.

– Ну наконец-то! – воскликнул Моппер. – Мистер Джейсон, позвольте представить вам Мирослава.

– Мирослава? – вырвалось у меня.

Более неловкой ситуации нельзя было себе представить; я застыл в неуклюжей позе, встав с дивана для приветствия и едва успев подхватить соскользнувшие с моих колен фиалки, Моппер же, как ни в чём не бывало, выколачивал трубку в камин. Вошедший улыбнулся странной, ни на что не похожей улыбкой.

– Я – Мирослав, – спокойно кивнул он и протянул мне свою маленькую жилистую руку. Пожатие его оказалось стальным: именно так описывает Моппер хватку Мирослава-боярина, приветствовавшего Тимоти. Но читатель, верно, помнит, что в романе руки Мирослава холодны как лёд; рука же, протянутая мне, была неожиданно горячей – более того, её неестественное тепло, казалось, прошло в моё предплечье до самой кости. Я пребывал в ошеломлённом состоянии,

и Моппер это заметил. Проговорив что-то формальное, он усадил меня на диван и придвинул для Мирослава кресло так, чтобы оно находилось напротив меня.

– Спасибо, – сказал Мирослав, садясь. – Итак, мистер Джейсон, вы имеете ко мне несколько вопросов.

– Боюсь, я знаю меньше вас, о чём мне вас спрашивать, – я счёл за лучшее прикрыть неловкость подобием остроумия. Я всё ещё не был уверен, что меня не мистифицируют. В самом деле, трудно представить себе человека, менее похожего на Мирослава-боярина из романа, чем мой собеседник. Всем памятен образ, прославивший его создателя, – образ высокого худого брюнета со смертельно бледным лицом и остроконечной бородкой, одетого во всё чёрное. Я уже сказал, что одет этот человек был нелепо и не по сезону – в одном только полотняном летнем костюме, из-под которого виднелась алая шёлковая рубашка; вместо галстука шея его была обмотана грязноватым пёстрым кашне; ни пальто, ни шляпы, ни перчаток, и это в конце марта. Опишу теперь его внешность как можно более точно, дабы меня не заподозрили в злонамеренном искажении фактов. Ростом он едва выше пяти футов, лицо его скорее некрасивое, чрезмерно смуглое, но румяное и свежее, и выражение его живое, насмешливое и недоброе. Особенное впечатление производят глаза, непропорционально большие, карие и отражающие ум и пронизательность, от которых делается не по себе; белки, однако, кажутся несколько воспалёнными. В целом взгляд

его не располагает к дружеской непринуждённости; обладателя такого взгляда не пригласишь посидеть вместе в пабе. Что касается упомянутых Моппером залысин на висках, то отмечу, что волосы моего собеседника (кстати, не чёрные, а тёмно-русые) не тронуты ни природой, ни парикмахером – они чрезвычайно густые и свободно падают на плечи. Никакой бородки, остроконечной или иной, у него нет, подбородок его гладко выбрит, зато верхнюю губу целиком скрывают пышные усы. Нижняя губа выступает вперёд, и край её как-то особенно вывернут, отчего улыбка его приобретает нестерпимо двусмысленное выражение. Встреться мне подобный человек на восточном базаре или даже в кварталах Ист-Энда, я решил бы, что передо мною законченный проходимец. Но, пожалуй, для проходимца его лицо было слишком необычно.

Я не мог отделаться от ощущения, что меня разыгрывают. Слишком не вязался этот улыбающийся гость, в котором всё дышало избытком жизненных сил, с ходячим призраком, созданным воображением Моппера. Томясь от невозможности начать разговор, я спросил первое, что мне пришло в голову:

– Вы не боитесь простудиться без пальто?

– Что-что, а это меня испугает в последнюю очередь, – с ноткой лёгкого презрения ответил Мирослав. Я ухватился за повисшую передо мною ниточку разговора.

– Мне показалось, у вас хриплый голос...

– А, это, – отмахнулся он. – Это последствия ранения, мне

рассекли голосовые связки. Давняя история...

– Вы воевали в рукопашном бою? – догадался я. Мирослав снова кивнул.

– Случалось, когда я был в повстанческом отряде.

– У вас, должно быть, очень интересная биография, – не без облегчения заметил я. Разговор наконец-то вошёл в приемлемое русло. Бегло оглянувшись, я увидел, что Моппер куда-то исчез, оставив нас наедине.

– Всё зависит от точки зрения, мистер Джейсон. Вот, например, любопытный ракурс: может ли быть интересна пушке биография пушечного мяса?

Он смотрел на меня, усмехаясь, теребя левой рукой густой тёмный ус. В его позе чувствовалась какая-то небрежная расслабленность, почти вульгарная, но странным образом соединявшаяся с внутренней жёсткостью.

– Вашей беседе со мной мешает то, что я не шести футов ростом и не затянут в чёрное с ног до головы?

– Признаюсь, ваше несходство с героем романа меня несколько обескуражило, – честно ответил я. – Что тогда вообще из романа Моппера имеет отношение к вам, кроме вашего имени?

– События, – коротко сказал он, затем прибавил: – События, в которые мы оба, я и Алистер, оказались вовлечены.

– Простите, мистер... как ваша фамилия? – споткнулся я. Он улыбнулся с мягкой настойчивостью.

– Мирослав. Для вас – просто Мирослав. Моя фамилия в

действительности вам совершенно не интересна. Вас волнует другое – могло ли хоть одно из событий, случившихся в романе, иметь место на самом деле.

– Именно это я и хотел спросить, – оживился я. – Как вы могли участвовать в событиях, которые заведомо фантастичны? Не будете же вы утверждать, что, к примеру, собака-оборотень тоже существовала?

– Разумеется, нет, – с готовностью ответил он, – и вы не хуже меня знаете, что оборотней не бывает. Алистер придумал её ради красного словца.

– А девушка в белом?

– Леди, описанная в романе как «девушка в белом», – моя дочь, и она-то как раз существует.

– Позвольте вам не поверить, – возразил я, – поскольку это невозможно. Вы так молоды. Десять лет назад у вас не могло быть взрослой дочери.

(Я хотел добавить: «да и сейчас вряд ли», – но побоялся попасть впросак на тот случай, если ему всё-таки около сорока и он хорошо сохранился).

– Я несколько старше, чем это кажется, – сдержанно отозвался Мирослав. Я не утерпел:

– И сколько же вам в действительности лет?

– А сколько нужно для вашего репортажа? – отрезал Мирослав. Я был раздосадован и отчасти даже оскорблён.

– Неужели для вас так трудно сказать правду?

– Правда написана в «Мирославе боярине», мистер Джей-

сон. А верить ей или не верить – это уже ваше дело.

Холодок пробежал у меня по коже, но я взял себя в руки.

– Вы утверждаете, что на вашей совести то, что совершил герой романа? – попытался поймать его я. Мирослав не смутился ничуть.

– При чём тут совесть? Мою совесть это совершенно не беспокоит.

– Но как же вам удалось избежать правосудия? – спросил я, подыгрывая и не веря ему. Скорее всего, и он, и Моппер всё-таки мистифицировали меня. Он тщательно оправил на шее шарф (по всей вероятности, скрывавший следы упомянутого им ранения).

– Не нужно вчитываться в роман внимательно, мистер Джейсон, чтобы понять, что такие вещи лежат вне компетенции правосудия. Выпороть море у вас в Англии, к счастью, ещё не пытались. Впрочем, кое-кто из участников событий, как вы помните, попытался осуществить надо мной правосудие частным порядком – с помощью альпенштока. Я настоятельно не рекомендовал ему этого делать, но случилось то, что случилось.

– Неужели вы признаетесь даже в такой ужасной подробности, как... как 27-я глава? – изумлённо переспросил я. – Там, где Элоиза...

– Вы имеете в виду эпизод с бокалом? – беззастенчиво переспросил он. – Что ж, это была неудачная шутка в отчаянном положении. Кстати, её звали вовсе не Элоиза. Все имена

в романе, кроме моего, – вымышленные.

– Простите, но я не могу вас понять, – сказал я. – Вы, насколько я могу судить, образованный человек и приятный собеседник; вы не имеете ничего общего с отвратительным чудовищем, выведенным в романе Моппера. Не хотите ли вы заставить меня поверить, что совершить такие вещи возможно? Сама человеческая природа восстаёт против мысли об этом. Как хотите, а такое бывает только в готических романах, но не в Англии двадцатого века.

Мирослав приподнял тонкую изогнутую бровь.

– Вот как? – насмешливо переспросил он. – Посмотрите в окно. Что вы видите?

– Почему в окно? – недоумеваю, переспросил я. – Ну, хорошо, я вижу темноту.

– Куда девается темнота при солнечном свете?

– Это вопрос из области физики или из области морали? – уточнил я, иронизируя над детской наивностью этого вопроса. Он встал с кресла и прошёлся по комнате, заложив руки в карманы.

– Боюсь, на этом наш разговор придётся окончить, мистер Джейсон. Вы ещё неинтереснее, чем я ожидал. Я ответил честно и прямо на все ваши вопросы, но мои ответы вас не устраивают, потому что вы заранее решили, чему верить, а чему нет. Я задал вам всего два вопроса, и вы не сумели на них ответить. Считаю бессмысленной дальнейшую трату времени на переливание из пустого в порожнее. Тем более

что мне пора.

Мирослав несколько картинно наклонил голову в знак прощания, взялся за ручку стеклянной двери, повернул её и растворился в темноте сада. Видимо, он решил уйти тем же путём, каким пришёл сюда.

Я ошеломлённо огляделся, сомневаясь, что беседа, имевшая место в этой комнате, мне не приснилась. Тут дверь, ведущая в холл, открылась, и в гостиной появился Моппер.

– Ваш друг меня покинул, – сказал я, – и несколько неожиданно для меня. У мадьяр так принято?

– Мирослав действует исходя только из своих собственных соображений, одному ему известных, – вздохнул Моппер. – Я знаком с ним вот уже десять лет и не могу похвастаться, что постиг его мотивы и побуждения стопроцентно. Примите мои извинения за то, что он обошёлся с вами не вполне учтиво.

– Скажите, мистер Моппер, – отважился поинтересоваться я, – а вам он тоже задаёт вопросы, не имеющие ответа?

– Все его вопросы имеют ответ, – с непонятным смешком отозвался Моппер, – только ответ часто дорого стоит. О чём он вас спросил?

– «Куда девается темнота при свете дня?». Честно говоря, мне этот вопрос показался дурачеством. Должен ли я взять на себя роль маленького мальчика и ответить «под кровать»?

– Ну, этот вопрос из самых заурядных. Считайте, что он вас пощадил, – сказал Моппер, зажигая свою трубку. – Не

хотите ли папиросу? Теперь, когда он ушёл, мы можем закурить. Он не выносит табачного дыма.

– Спасибо, – сказал я, прикуривая. Затычка несколько успокоила меня, и я смог расслабиться. – И что же, вы знаете ответ?

– Знаю.

Писатель пустил в потолок кольцо дыма и вынул трубку изо рта.

– Солнечный свет прогоняет темноту, – проговорил он, – но он не в силах заглянуть внутрь сердца человека. И при свете дня там остаётся тьма.

Из дневника Вирджинии Вулф.

4 апреля 1913. Сегодня я не утерпела. Честно сказать, всё это время я боялась – что скажут обо мне мои высоколобые друзья, узнав, что я проявляю интерес к чтиву наподобие «Мирослава боярина»? Репутация интеллектуального читателя дорого стоит и зарабатывается с трудом; в крайнем случае, скажу, что мне предложили большие деньги за рецензию. Я ведь так и не прочла роман в первом издании – мой отец счёл его легковесной чепухой, и я должна была ему верить, ведь мне с малолетства стремились привить литературный вкус. Короче говоря, я отправилась в «Хэтчард»¹, где и стала обладательницей весьма любопытного экземпляра второго издания.

Что он любопытный – это я увидела ещё в магазине. Я попросила девушку, стоявшую за прилавком, показать мне книгу поближе и тут увидела на форзаце надпись красными чернилами. К моему удивлению, надпись сделана кириллицей. Я немного читаю по-русски, но дело в том, что это не русский язык – это написано на языке, вовсе мне неизвестном. Я разобрала, впрочем, среди всего остального имя «Мирослав». В полном удивлении я спросила у продавщицы:

– Откуда это у вас?

– Даже не знаю, как объяснить толком, мэм, – отвечала девушка, – вчера явился в магазин какой-то чужак. Дайте, говорит, взглянуть – а сам достаёт авторучку и чирк, чирк! Измарал весь форзац. Я ему говорю: заплатите шиллинг, раз книжку испортили – а он бросает на прилавок полукрону и говорит: «К вашему сведению, эта книга стоит теперь гораздо больше». И книжку не взял...

– Он ведь не иностранец? – спросила я, глядя на кириллическую надпись.

– Похож на иностранца, это да. Выговор не наш и на голове какой-то берет, шея обмотана шарфом и... да, в петлице жёлтая роза.

Речь шла явно не об Алистере Моппере; а я-то думала, что надпись на книге – дело рук писателя, подшутившего над доверчивой публикой. Всё это повергло меня в ещё большее изумление, но на всякий случай я спросила:

– Ну, хорошо, а лицо его вы запомнили? Как он выглядел?

– Не особенно... У меня же много покупателей, разве всех упомнишь, – рассеянно ответила продавщица. – Хотя постоите, у него, кажется, усы были. Да, вспомнила, у него лицо вроде как восточное, и такая издевательская улыбочка, как будто он вас насквозь видит.

Я всё больше и больше терялась в догадках. Понимала я только то, что появление этой надписи на книге куда более таинственно, чем я предполагала ранее.

– Дать вам чистый экземпляр? – обеспокоенно спросила продавщица.

– Нет, что вы, – живо возразила я и вынула из сумочки две полукроны. – Ваш чудак совершенно прав – этой книге цены нет.

(Я действительно испугалась, что книгу купит кто-то другой).

– Но что же... – начала она; я не слушала её дальше. Я пододвинула к ней монеты, схватила книгу и, прижимая её к груди, вышла из магазина. Если только знать наверняка, что статья в *The Literate Modernity* не журналистская утка! Возможно ли, чтобы в руках у меня оказался автограф самого Мирослава-боярина? Мне кажется, что человек, исписавший форзац этой книги, был именно он.

NB: надпись эта сделана вовсе не красными чернилами, и совсем даже не чернилами. Ошибиться тут нельзя...

Кто же ещё, кроме него?

Голова идёт кругом! Я умолкаю.

Из Pall Mall Gazette от 7 апреля 1913 г.

Вчера нашей редакции выпала необычная честь – нас посетил человек, послуживший прототипом для знаменитого героя книги Алистера Моппера. Вы, конечно, уже догадались, что речь идёт о Мирославе-боярине. В сегодняшний номер мы собирались поместить интервью с Имре Микешем – исполнителем главной роли в снимающемся сейчас фильме по мотивам романа. Но вместо «Блестящего мадьяра» в редакцию пришёл Мирослав Эминович – друг писателя, выведенный в романе под именем Мирослава Э., то есть фактически под своим собственным.

Следует заметить, что внешне он ничуть не походит на героя книги. На вид ему около тридцати пяти лет, он менее пяти с половиной футов ростом, очень смуглый; у него толстые красные губы и чрезвычайно живые тёмные глаза, а с лица не сходит выражение иронической улыбки. Он явился в редакцию в прекрасно сшитом шевиотовом костюме цвета гречишного мёда с ярко-жёлтой розой в петлице; на голове у него был коричневый плисовый берет, чуть светлее его очень длинных волос; свою трость из полированного красного дерева он нёс под мышкой, не опираясь на неё. Походка у него невероятно лёгкая, как бы невесомая. Несколько странное впечатление производит плотно обёрнутый вокруг

горла шёлковый шарф кричащей расцветки. Вообще же облик его выдаёт человека образованного и с незаурядным характером.

Наш корреспондент Саймон Дуглас беседовал с ним в течение часа. Содержание их разговора мы и приводим ниже.

Примечание: по каким-то личным соображениям мистер Эминович не позволил снять себя на «кодак», но разрешил зарисовать свой портрет, который вы можете видеть в конце интервью.

Корр.: Мистер Эминович, откуда вы родом?

М. Э.: Из Слатины. Там я родился и провёл большую часть жизни.

Корр.: Насколько мне известно, это не в Венгрии?

М. Э.: Это вот где.

Подходит к карте Европы, висящей на стене в редакции, и показывает в центр северной части Балканского полуострова.

Корр.: Так вы, стало быть, не мадьяр? Или там тоже живут мадьяры?

М. Э.: Я мунтьян.

Корр.: Прошу прощения?

М. Э.: Это такая восточноевропейская народность. Правда, сейчас нас обычно так не называют, но я держусь старых терминов.

Корр.: В любом случае, вы прекрасно говорите по-англий-

ски. Вы, должно быть, учились в Англии?

М. Э.: Нет, я освоил язык ещё в Слатине, меня учил один английский путешественник.

Корр.: А всего – сколькими иностранными языками вы владеете?

М. Э.: Пятью; и ещё читаю и пишу на латыни и старославянском.

Корр.: А, так значит, вы человек науки?

М. Э.: Какой из наук?

Корр. (полагая, что Эминович не в совершенстве понимает английскую фразеологию): Я имею в виду, вы учёный, занимаетесь научной деятельностью?

М. Э.: Нет, я шью.

Корр.: Вы хотите сказать, что вы портной?

М. Э. (кивает): Этим я подрабатываю. А на досуге занимаюсь историческими разысканиями.

Корр.: Однако, если я не ошибаюсь, Моппер пишет о вас как об аристократе...

М. Э.: Полно! Вам ли не знать, в какое состояние пришла сейчас старинная аристократия? Одним фамильным наследством не проживёшь, да и что делать тому, у кого оно состоит по преимуществу не в деньгах, а в куче вещей, ценность которых более историческая, чем коммерческая?

Корр.: Но ваше поместье, так красочно описанное в романе, – разве оно совсем не приносит дохода?

М. Э.: Поместье! Пара подвальных комнат в развалинах

дома, давно уже не мне принадлежащего. Сырость, вонь, мыши залезают в сапоги. Писатели склонны приукрашивать действительность, и Моппер не исключение.

Корр.: Тогда вам, должно быть, нравится в Лондоне?

М. Э.: На данный момент – да. Здесь я чувствую себя спокойнее.

Корр.: Скажите, а ваш великолепный костюм вы сшили сами?

М. Э.: Что вы, в современных мужских модах я полный профан. Это сшито у вас, на Риджентс-стрит.²

Корр.: Кто же этот талант?

М. Э.: Есть там такой Айзек Райхман... Мне он показался болтуном, но шьёт и впрямь отлично.

Корр.: Мы несколько отклонились от темы. Вы пока ещё ничего не сказали о романе, в котором вас изобразил Моппер.

М. Э.: А разве он стоит того, чтобы о нём говорить?

Корр.: И всё же, как вы его находите?

М. Э.: Сказать по чести, нестерпимо скучным. Будь он написан раньше, когда я сражался в повстанческом отряде, я бы читал его вслух пленным.

Корр.: Какую же литературу вы предпочитаете?

М. Э.: Старую; в особенности восточноевропейскую. Что может быть лучше, чем в ночи при свечах раскрыть издание 1490 года и насладиться превосходной старославянской прозой!

Корр.: У вас, очевидно, развитой литературный вкус...

М. Э.: Смотря что считать литературным вкусом. Есть два рода литературного вкуса, мистер Дуглас, – вкус к приятности и вкус к искренности. С точки зрения первого, мои литературные предпочтения могли бы шокировать жителей вашей страны.

Корр.: Например?

М. Э.: Например, «Повесть о битве на Косовом поле». Особенно интересен список 1595 года, там есть такие занимательные миниатюры... Впрочем, не буду утомлять вас палеославистикой. Скажу одно – мистеру Мопперу я многим обязан, и я с пониманием отнёсся к его идее написать обо мне роман; оставим же Мопперу Мопперово.

(Наш художник Сидни Сайм показывает гостю эскиз его портрета; тот разглядывает и улыбается).

М. Э.: Знаете, вы меня изобразили таким джентльменом, что я даже смутился. Дайте-ка на минутку.

(Берёт перо и несколькими уверенными движениями поправляет рисунок, подчеркнув ямку на подбородке и вывернутый край нижней губы).

Вот так. А в основном неплохо, оставьте как есть.

Корр.: Большое спасибо за интервью, мистер Эминович. Надеемся снова увидеть вас у нас в гостях.

Письмо Сомерсета Моэма

Алистеру Мопперу, 10 апреля 1913.

Дорогой мой Алистер,

наслышался я о твоих недавних проделках. Что это за Эминович, которого ты выставил на обозрение в качестве прототипа Мирослава-боярина? Неужели это твой ответ на моего «Мага», и ты хочешь убедить публику, что твой Мирослав-боярин не менее реален, чем мой Оливер Хаддо? К чему весь этот театр? Мне передали, будто на роль живого Мирослава ты назначил какого-то низкорослого усатого хорвата, промышляющего шитьём дамских платьев. Если уж ты решил разыграть наших доверчивых читателей, то мог бы подыскать кого-нибудь более похожего. И вообще, зачем поднимать твоего героя из могилы, если в конце романа он убит? Всё это пахнет романтизмом самого дурного тона, которому после Проспера Мериме с его «Гузлой» никто не поверит. Да и Эминович – не Магланович.

Только не думай, всё это не отменяет моего восхищения твоим романом. Твой «Мирослав боярин» – вещь на века; думаю, он переживёт моего «Мага» – по части выстраивания мистических сюжетов мне с тобой не сравниться, скажу без ложных комплиментов. Тебе колоссально повезло – на долю твоего романа выпал невероятный успех; бога ради, не опощай его, не позорься со своим черномазым портным.

Всегда твой

Сомерсет Моэм.

Письмо Алистера Моппера Сомерсету Моэму, 12 апреля 1913 г.

Дорогой Змей Китайский,

опять ты проявляешь свою язвительную сущность, притом тогда, когда тебя об этом не просят. Для тех, кто не видел Мирослава Эминовича, спешу сообщить, что:

– первое, он не хорват, а мунтьян, родом из Слатины;

– второе, он отнюдь не черномазый, а всего только смуглый, и притом светлее любого испанского герцога;

– третье, он не только портной, вернее совсем даже не портной. Он также историк-любитель и владеет лучшей в Европе частной коллекцией старинных рукописей. Я сам пользовался его библиотекой, когда писал роман.

Что же касается несходства его внешности с романским описанием, то сознаюсь, что внешность я ему выдумал. И ты меня поймёшь, почему – читатели склонны верить больше банальному демонизму, чем попытке описать небанальное лицо. Однако персонаж действительно списан с него. У Мирослава была очень бурная биография: в молодости он сражался в партизанском отряде против турок, самолично отрубая саблей головы пленным. Там он приобрёл некоторые ухватки, описанные в книге. Водится за ним и ещё много чего, помимо отрубленных голов; у него врождённое свойство добровольно влезать в тёмные истории, чем я и воспользовался для своего романа. Относительно же твоей реплики о

поднятии героя из могилы скажу, что это зависит не от меня – он сам решает, когда и откуда ему подниматься. Я, например, не просил его являться в Pall Mall Gazette и давать там интервью вместо Имре Микеша (которое ты, по всей видимости, не читал). Рекомендую тебе номер Pall Mall Gazette от 7 апреля, там ты, кстати, найдёшь и превосходный портрет Мирослава в $\frac{3}{4}$ оборота, выполненный одним из лучших иллюстраторов.

Твой

Алистер Моппер.

Из дневника Лилианы Грей, киноактрисы, занятой в роли Белинды.

17 апреля 1913 г. Ах, эти кошмарные киносъёмки! Мало мне того, что Беркли обращается с актёрами как с рабами; так ещё и этот «Блестящий мадьяр», который, кажется, возомнил себя l'étoile и тиранит всю съёмочную площадку. Простый раз, когда снимали сцену пленения, он едва не сломал мне руку; когда я в перерыве попросила его умерить свой темперамент, он просто нагрубил мне. К тому же я имела несчастье во время одного из дублей сорвать его накладную бороду... Сохрани меня бог от съёмок с Микешем! Я своими глазами видела, как он орал на гримёра, который забыл поставить у его зеркала стакан воды. (Ему непременно всякий раз нужно, чтобы в гримёрной стоял стакан воды). В гри-

ме Мирослава он производит ужасающее впечатление: мертвенно-белое лицо, перекошенное от ярости, чёрная борода торчит, круги вокруг глаз – когда он вышел из павильона покурить, машинистка уронила поднос с кофейником.

Но сегодня мои мучения были наконец отомщены, и вот каким образом. К нам на съёмки то и дело приходит мистер Моппер, который наблюдает, как идёт работа, и даёт режиссёру указания. Сегодня он, против всякого ожидания, пришёл не один. Вместе с ним был довольно-таки молодой джентльмен иностранного вида, в светло-коричневом костюме и лихо заломленном плисовом берете. К моему удивлению, мистер Моппер представил его нам как Мирослава Эминовича, своего друга, того самого, который послужил, как он объяснил, проформой³ для героя его романа.

– Он хочет посмотреть, как делается фильм, – объяснил писатель, – он ведь ещё ни разу в жизни не видел киносъёмок.

– Хорошо, – отозвался Беркли (я видела, что он поборол неудовольствие, но мистери Мопперу он отказать не в силах). – Принесите на съёмочную площадку стул для мистера Эминовича, – велел он рабочему. Я захотела рассмотреть гостя получше, но, к моему сожалению, он совершенно некрасив. У него загар как у фермера, впалые щёки, рот несоразмерно велик, а усы большие и старомодные. Когда он увидел меня – в костюме и гриме Белинды – он устремил на меня влажный взгляд своих тёмных глаз, с воспалёнными, крас-

ными белками. Я почему-то поняла, что это был приказ подойти. Я не испытывала желания общаться с ним, но что-то заставило меня очутиться возле его стула.

– Вы Лилиана Грей? – спросил он хрипловатым голосом. – Вы играете роль Белинды?

– Да, сэр, – ответила я. Он усмехнулся и при этом неприятно выпятил нижнюю губу.

– Вы слишком хороши для этой роли. Настоящая Белинда была куда менее обаятельна.

Возможно, он сказал «не так обаятельна». Я так растерялась, что не сразу поняла, что это комплимент. Мне не совсем ясно, кого он имел в виду под «настоящей Белиндой». Так или иначе, тут у меня за спиной раздался повелительный голос Беркли, который звал меня занять своё место в кадре.

Надо сказать, что съёмки сегодня проходили на открытом воздухе. Мы снимали сцену у окна, для чего Беркли снял за мизерную плату в Сассексе заброшенную усадьбу с одичалым розовым садом, который разросся, как в сказке про спящую красавицу, и выглядит необычайно романтично. Роз пока ещё нет, какие уж тут розы в апреле – листья едва распустились, поэтому декораторы привязали к веткам множество бумажных роз. Единственная настоящая роза на всей съёмочной площадке была в петлице мистера Эминовича (при том жёлтая, а не белая), и он сидел, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдал за съёмками. Я, как положено по сценарию, вошла в дом и выглянула со стороны открытого ок-

на. Беркли скомандовал «мотор!», оператор взялся за ручку камеры, а я застыла у окна, притворяясь, будто пытаюсь разглядеть что-то в глубине сада. Почему-то присутствие Эминовича всё время давало себя знать; я не могла о нём забыть и ощущала внутри какую-то дрожь. Я играла скованно, как будто мне и в самом деле было страшно. Тут из кустов появился Имре Микеш и угрожающе выступил вперёд; он приближался к дому с тигриной грацией, положив руку на бедро, и на губах его играла его коронная дьявольская ухмылка (лицо его снимали другой камерой из соседнего окна дома). Он остановился и издевательски повёл в мою сторону своей

набеленной рукой, а я изобразила магнетическое⁴ оцепенение. Вдруг с дальнего конца сада послышался крик Беркли: – Прекратить! Стоп! Не пойдёт! Мисс Грей, вы стоите, как фонарный столб! У вас на лице должен быть ужас, вы понимаете – ужас! Нужно переснять!

Оператор снова приготовился к съёмке. Я снова отошла от окна, Микеш снова полез в кусты, чтобы выйти из них вторично. Не знаю почему, но каждое движение давалось мне с трудом; я еле передвигала ноги, когда шла во второй раз к окну. Мне не давал покоя пристальный и настойчивый взгляд нашего гостя, с которым трудно было не встретиться глазами. Длинный чёрный Микеш снова выступил из зарослей роз, снова шагнул ко мне и повёл рукой – и тут я услышала леденящий душу смех.

Смеялся Эминович. Столь же ужасно, как сам хохот, бы-

ло его воздействие. При звуках его смеха Микеш обернулся, споткнулся, сделал несколько шагов назад, окончательно потерял равновесие и опрокинулся на спину в розовый куст. Раздался треск сломанных ветвей, во все стороны полетели бумажные розочки, которые так долго прикручивали наши декораторы. Между тем я видела, как Эминович трясётся от смеха. Вдруг его смех оборвался так же внезапно, как начался, и лишь противная улыбка скользнула по его лицу, когда он взглянул на меня в окне.

Съёмку, естественно, прервали; Микеша вытащили из кустов и помогли ему подняться. Я сбежала с крыльца дома, беспокоясь за него. Он сильно искололся, по его виску стекала струйка крови. Оператор принёс ему флажку бренди. Беркли рвал и метал.

– Вы длинноногий венгерский осёл! Вы разорили пятичасовой труд наших декораторов! А вам, мистер Моппер, – в гневе обратился он к писателю, – я запрещаю приводить на съёмочную площадку посторонних! В противном случае...

Он запнулся и не нашёл, какую угрозу придумать. Мистер Моппер принялся неловко извиняться и пытаться увещевать его. Микеш, сидя на траве, пил большими глотками бренди, кашлял и чертыхался. Тут к нам подошёл Эминович.

– Мистер Беркли, – мягко проговорил он (он был теперь сама любезность, хотя в улыбке сохранялась искра лукавства – да, «искра лукавства», кажется, так и принято писать). – Мистер Беркли, я приношу извинения за то, что так полу-

чилось; со своей стороны, я готов немедленно покинуть съёмочную площадку. Но перед этим разрешите компенсировать причинённый вам ущерб.

Тут он мановением руки вытянул из кармана пиджака пятифунтовую банкноту и вручил её Беркли. Мы все, признаюсь, оторопели. Привязать розы к кустам обошлось не более чем в гинею⁵, включая кусты, не задетые Микешем при падении. Впрочем, иностранцу трудно разбираться в наших деньгах. Эминович тем временем склонился к Микешу и с усмешкой сказал:

– Расслабьтесь, мой друг; ваша травма скоро пройдёт, – указательным пальцем он вытер кровь с лица «Блестящего мадьяра» и выпрямился. – Сожалею, что так получилось.

Он повернулся и пошёл прочь со съёмочной площадки; до того, как он скрылся между деревьями – я готова поклясться, что видела, как он облизал указательный палец. Не знаю, была ли это поза, хотел ли он притвориться Мирославом из романа мистера Моппера, или же просто отсутствие носового платка. Во всяком случае, съёмки уже не продолжались. Актёры смакуют посрамление Беркли, а я рада случаю отдохнуть и от него, и от Микеша, который от потрясения напился в стельку. Кстати, его царапины вовсе не так серьёзны, как нам показалось – когда пришёл доктор осматривать его, то они уже не кровоточили, и следы от шипов было еле видно. Всё же он так пьян, что Беркли пришлось забрать его к себе ночевать. Этим и закончился наш сегодняшний съём-

мочный день.

Я попыталась написать всё так, как было, но всё равно я не умею писать так хорошо, как мистер Моппер. Если бы я была настоящей писательницей, у меня, конечно, получилось бы лучше. Во всяком случае, это доподлинные события, и они произошли сегодня днём.

Из Illustrated London News от 29 апреля 1913 г.

Необычайный подарок получил на днях известный киноактёр Имре Микеш, снимающийся сейчас в фильме «Мирослав боярин» по мотивам романа Алистера Моппера. Когда он прибыл в съёмочный павильон и зашёл в свою гримёрную, чтобы проверить, принесли ли ему стакан воды (Микеш требует, чтобы в гримёрной всегда стоял стакан воды), то обнаружил там большой букет жёлтых роз и свёрток, в котором при ближайшем рассмотрении оказалось роскошно переплетённое иллюстрированное издание «Истории пыток» Литтона Стрейчи (Лондон, 1909), к тому же с дарственной надписью на форзаце, не оставлявшей сомнений, кому предназначалась книга. Вышедший из себя киноактёр усмотрел в этой некий гнусный намёк (к сожалению, содержание надписи нам неизвестно) и выскочил из гримёрной, чтобы устроить скандал режиссёру, Фреду Беркли. К сожалению, кто был шутником, сделавшим столь двусмысленный подарок Микешу, осталось неизвестным.

**Письмо Лилианы Грей, киноактрисы,
написанное 28 апреля 1913 г.**

Милая Вера,

видела бы ты, что творилось вчера на съёмках! Я имею в виду нашего неподражаемого Микеша. «Блестящий мадьяр» пошёл гримироваться, и вдруг раздаётся дикий вопль, Микеш пулей выскакивает из гримёрной, летит прямо к мистеру Беркли – а тот, как на грех, в это время велел сварить себе кофе. Только машинистка принесла ему поднос с дымящимся кофейником, как врывается Микеш и с воплем: «Это вы всё нарочно подстроили!» – хватить кофейник и – ну, ты представляешь себе, что такое разъярённый мадьяр, это даже не итальянец. Мистера Беркли пришлось поливать холодной водой из графина; к счастью, ожоги не слишком серьёзные, потому что большая часть кофе попала на стену. Но у меня, ей-богу, волосы встали дыбом, когда я побежала посмотреть, что же так взбесило Микеша. Представляешь себе, в гримёрной на полу валялись рассыпанные жёлтые розы, а на столике раскрытая книга – «История пыток» с раскрашенными картинками во всех подробностях! Кто-то, видно, прислал её Микешу, потому что рядом лежала разорванная подарочная обёртка. Самое возмутительное, что на книге была надпись – я списала её на бумажку, вот что там было: «Дорогому Имре Микешу с наилучшими пожеланиями и надеждой, что эта

книга расширит его кругозор и доставит ему немало приятных минут». Так прямо и написано! Не знаю, какой ненормальный это прислал, но переполох в студии был порядочный, и всё из-за Микеша. Мистер Беркли грозитя урезать ему гонорар; уволить он его не может, ведь часть фильма уже отснята, и другого исполнителя на главную роль сейчас вряд ли найдёшь. Студия кусает локти, Микеш дуется, а кое-кто из актёрского состава хихикает. Такие дела.

Твоя

Лилиана.

**Ответ Веры Кордофф, театральной актрисы,
от 1 мая 1913 г.**

Здравствуй, Дэйзи!

О шутке, сыгранной над Микешем, я прочла вчера в газете; честно признаюсь, что я не разделяю всеобщего возмущения по этому поводу. На мой взгляд, Микешу недурно утёрли нос. Давно пора было сбить с него спесь. Подумаешь, сыграл Тамерлана! Выходка с «Историей пыток» – просто прелесть. Я имела счастье или несчастье играть вместе с ним в оперетте «Граф Монтекристо» и могу подтвердить, что это форменная пытка. Ручаюсь, поэтому он и взбесился. А впрочем, он не много потерял – он же получил дополнительную рекламу.

Не могу привыкнуть звать тебя Лилианой. Как много во-

ды утекло с тех пор, когда мы с тобой вместе дебютировали в «Соборе Парижской богородицы»! Как там твоя роль Белинды? Надеюсь скоро увидеть тебя на киноэкране.

Всегда твоя

Вера.

P. S. Ничуть не удивлюсь, если книгу ему прислал сам Мирослав-боярин, о котором сейчас столько толков. Это было бы в его стиле.

Из журнала The New Age, №18/1913 г.

Необыкновенный ужин Мэтью Арчера, или
Как опасно быть литературным критиком

Наш постоянный автор Мэтью Арчер неоднократно просил Алистера Моппера, удвоившего свою литературную славу после переиздания романа, представить ему Мирослава-боярина – или же того, кого писатель за него выдаёт. Недавно Моппер любезно согласился. 3 числа он пригласил Арчера в ресторан «Континенталь Нуво» в Сохо, обещая привести туда и своего героя. Мы печатаем отчёт Арчера с некоторыми сокращениями.

Я прибыл в ресторан уже после захода солнца, поскольку мистер Моппер указал весьма позднее время встречи. Едва я зашёл в полутёмный зал, как сразу же увидел писателя –

он сидел у стены в дальнем углу, и рядом с ним был какой-то худощавый господин с длинными волосами. Когда я приблизился и поздоровался, Моппер отрекомендовал мне соседа по столику как своего друга Мирослава Эминовича.

– Очень приятно, – сказал я, пожимая его руку, – Мэтью Арчер.

Мистер Эминович – в дальнейшем он выразил пожелание, чтобы я называл его просто Мирославом, – весьма оживился, услышав моё имя.

– А, так вы тот литературный критик, с которым мне предстоит беседа? Что ж, занятно, – улыбнулся он. У него довольно необычное лицо; черты его крупные, но лишённые резкости, мягко обрисованные. В нём есть что-то от Генри Филдинга, если только позволительно вообразить себе Филдинга с усами. Однако выражение этого лица не столь благодушно. Одет он был хорошо, хотя и странновато: на нём был шевиотовый костюм цвета гречишного мёда, с жёлтой розой в петлице, кремовая шёлковая сорочка, но при этом ноги обуты в разношенные порыжелые сапожки, а шею вместо галстука обвивал восточный шёлковый шарф кричащей красно-жёлтой расцветки.

– Вы всё ещё придерживаетесь своего мнения о жителях Восточной Европы? – вдруг спросил он, подмигнув мне. Я растерялся. Я писал эту статью, когда и не предполагал, что встречу с ним лицом к лицу, и теперь задним числом видел, что в статье можно усмотреть вещи обидные для другой

нации.

– Всё, что сказано в статье, касается исключительно героя романа мистера Моппера, – попробовал возразить я. Он снова улыбнулся.

– Но я и есть герой романа.

<Моппер вызвался угостить критика ужином и предоставил ему выбрать блюда по своему вкусу. После того, как все необходимые заказы были сделаны, Мэтью Арчер возобновил беседу с человеком, называвшим себя Мирославом.>

Я спросил его, не смущает ли его, сколь чёрными красками нарисован он в романе. Мирослав усмехнулся.

– Что вы; в романе я выведен гораздо более романтической личностью, чем я есть на самом деле.

– Но кто вы на самом деле, если не секрет? – спросил я, отбросив ложную щепетильность.

– Мирослав Эминович, вдовец, родом из Слатины. Известный также под прозвищем «Мирка-цветочник».

– Вы разводите цветы? – не понял я.

– Нет, я шью.

– Сейчас это его основная профессия, – пояснил Моппер.

Я не сумел скрыть своего удивления.

– Вы зарабатываете на жизнь шитьём?

– Я выучился шить много лет назад, – сказал Мирослав, облокотясь на стол, – когда был в заложниках в Венгрии.

Знаете, там, в тюрьме, не очень-то выказывали желание меня кормить...

– Так всё-таки, – заметил я, – вы имеете отношение к мадьярам?

– Весьма косвенное и весьма неприятное, – бросил он. – Они меня попросту подло надули.

– А что с вами случилось? – снедаемый любопытством, спросил я. Он помрачнел.

– Ничего особенного, довольно банальная история. Мне должны были передать деньги для повстанческого движения; вместо этого мадьяры присвоили деньги, запихнули меня в тюрьму и в своё оправдание выпустили листовки, в которых смешивали меня с грязью.

– Так вы партизан? – не выдержал я. – Что же вы молчали, когда я спросил вас, кто вы на самом деле?

– Помилуйте, так ли вы хотите знать, кто я? – усмехнулся Мирослав, левой рукой поглаживая усы. – Может быть, вы, наоборот, хотите удостовериться, что я не тот, кто описан в романе?

Я не знал, что на это сказать; ведь в какой-то мере это в самом деле было так. В конце концов, в романе Моппера нет ни слова о партизанах. Тем не менее я решился ответить:

– Меня интересует правда; ведь я критик и исследую соотношение литературы с реальностью.

Тем временем нам принесли ужин. Я обратил внимание, что Мирослав заказал себе одно только клубничное мороже-

ное. Я, однако, был голоден и с удовольствием принял угощение Моппера.

<После тоста за успех романа, который Мирослав подержал в крайне насмешиливом тоне и выпив вместо вина стакан воды (вина он не пьёт), Арчер вернулся к теме литературы и реальности.>

Мирославу было трудно в это вникнуть.

– Но ведь литератур много, – задумчиво произнёс он, – а реальность всего одна. Та, в которой вы и я сидим за столом...

– Это и составляет самый больной вопрос современности, – кивнул я. – Сейчас делаются разные опыты по созданию литературы, которая говорила бы о жизни средствами самой жизни. Достаточно упомянуть новую женскую прозу...⁶

– Такая литература никогда не будет создана, – прервал меня Мирослав. Он не ел своё мороженое, а только ковырял его, предоставляя ему таять. Я не мог удержаться от мысли, что его худоба вызвана плохим аппетитом; но должен отметить, что вид у него чрезвычайно здоровый – его лицо покрыто медным загаром путешественника, сквозь который светится яркий румянец, а губы алые и пухлые. Отложив ложечку, он закончил:

– И вряд ли такая литература смогла бы доставить кому-то

удовольствие. Даже мне.

– О чём вы? – переспросил я, не понимая, что он хочет сказать.

– Реальность, знаете ли, говорит не всегда приятным языком. И что дозволено в литературе, в реальности часто обращивается проблемами. Я сам с этим столкнулся.

– При каких же обстоятельствах? При тех, что описал мистер Моппер?

– Допейте вначале кофе, – с улыбкой посоветовал Мирослав. – Об этом не стоит говорить, пока вы не закончили трапезу.

Прихлёбывая кофе, я увидел, что Моппер роется по карманам своего костюма с озадаченным выражением на лице. Подняв голову, он сказал:

– Боже, я забыл лекарство в кармане пальто. Придётся спуститься в гардеробную...

– Не вставай, Алистер, – отозвался Мирослав, поднимаясь из-за столика. – Дай сюда номерок, я схожу.

Пользуясь его отсутствием, я сказал Мопперу:

– У вас более чем оригинальный приятель. Он в самом деле был повстанцем?

– В самом деле, – ответил писатель, – хотя и очень давно. В историях, которые о нём рассказывают, совершенно невозможно отделить реальность от вымысла. Поверьте, ему приписывают и более фантастические вещи, чем события моего романа.

– А сам он?

– Сам он не подтверждает и не опровергает ничего.

Тем временем вернулся Мирослав, и разговор возобновился. Он извинился передо мной, что прервал беседу, не ответив на мой вопрос.

– Ели бы вы лучше мороженое, – сказал я, – оно ведь совсем растаяло.

– Не стоит, – возразил он, – я не люблю мороженое.

– Зачем же вы его тогда заказали? – изумился я. Мирослав дёрнул бровью.

– Из щепетильности.

– Наконец-то я вижу в вас что-то общее с героем романа, – засмеялся я, – правда, его щепетильность не столь мила, как ваша.

– Да, Алистер изобразил меня несколько односторонне, – отозвался Мирослав. Моппер дружески положил руку на его локоть.

– Мирослав, ты же знаешь, что есть такое понятие, как литературный типаж.

– Литературный типаж! – со смехом повторил Мирослав. – Как по-вашему, мистер Арчер, похож я на литературный типаж?

– Не очень, – честно признался я. Мирослав посмотрел на меня странным долгим взглядом – неприятным, но не холодным, а пронзительно тёплым; неестественная теплота этого взгляда была испытующей, недоброй.

– Об этой вы тоже напишете в своём очерке.

Ужин был окончен, и Моппер расплатился по счёту. Откинувшись на спинку стула его друг спросил меня:

– Надеюсь, вы не станете курить? Должен сказать, я очень плохо переношу табачный дым.

Моппер перебил его:

– Мирослав, ты делаешься иногда несносным. Я предупредил об этом мистера Арчера; и я уже говорил тебе...

– Да, да, – вмешался я, – вам не о чем беспокоиться, я не курю, я употребляю только нюхательный табак.

– Я же говорил тебе! – с укором сказал Моппер.

– Против нюхательного табака я ничего не имею, – улыбнулся Мирослав. – Сам я ним не пользуюсь, но готов вас угостить. Не угодно ли?

– А что у вас за табак? – любопытствовал я.

– Наш, балканский табак – с лепестками роз, – Мирослав вынул из-за пазухи большую плоскую золотую табакерку. Изящным щелчком ногтя он откинул крышку и протянул её мне.

Я взял табакерку и уже было опустил в неё пальцы, как вдруг взгляд мой упал на картинку, вставленную с внутренней стороны крышки. Это была эмалевая миниатюра размером не более трёх дюймов в длину и двух в ширину, выполненная тонко и тщательно; но боже мой, каково было её содержание! Не рискну его здесь описывать; само воспоминание о нём бросает меня в дрожь. Скажу только, что вид этой

миниатюры вызвал у меня приступ тошноты; моим первым побуждением было вскочить и броситься в уборную, где я наверняка бы расстался с великолепным ужином, так некстати проявившим себя у меня внутри. Так бы оно, вероятно, и случилось, будь я более слабонервным; отчаянно борясь с дурнотой, я перевёл взгляд на виновника моего состояния и увидел его испытующий взгляд, полный скрытого лукавства.

Решив, что мне подобает быть джентльменом, я напрягся и, преодолевая отвращение, улыбнулся; затем взял щепотку табака, вдохнул его и причмокнул, изображая блаженство.

– У вас в самом деле отличный табак, Мирослав, – сказал я, возвращая ему табакерку. Табак и впрямь был хорош – он избавил меня от неприятных ощущений и придал мне сил. Мирослав с улыбкой спрятал злосчастную табакерку.

– Недурно, – с удовольствием отозвался он. На лице его было написано крайнее одобрение. – Я в вас не ошибся.

– Что это, Мирослав? – встревоженно спросил Моппер. – Не отпирайся, ты сыграл какую-то пакость над мистером Арчером. Я видел, как он побледнел.

– Ничего особенно, – промурлыкал Мирослав, – ведь правда, мистер Арчер?

– Всего лишь превосходный образец эмалевой миниатюры, – через силу улыбнулся я.

– Я знаю тебя, Мирослав! Я догадываюсь, что там была какая-нибудь мерзость. К чему это всё?

– К вопросу о разнице между литературой и жизнью, –

беззастенчиво ответил Мирослав. – То, что видел мистер Арчер – иллюстрация к «Мунтьянскому изборнику».

– Это, верно, ваша любимая книга? – спросил я.

– Одна из любимых.

– Что ж, – сказал я, – у вас очень оригинальные вкусы; они выдают незаурядный характер вашей личности.

В глазах Мирослава загорелись искорки смеха.

– Благодарю вас за учтивость, мистер Арчер; вы истинный англичанин. Разрешите вознаградить вас за приятно проведённое время.

С этими словами он вынул из кармана серебряный карандаш и вручил его мне. Я покраснел от замешательства и неловко поблагодарил его. Он, вероятно, совершенно необычайный человек – вполне достойный того, чтобы стать прообразом литературного Мирослава-боярина. Я не скоро забуду впечатление, которое произвела на меня эта встреча в «Континенталь Нуво»; во всяком случае, после неё мне стало ясно, что вопрос о соотношении литературы и жизни не так прост, как это кажется.

**Из еженедельника Present&Modern Life,
от 11 мая 1913 г.**

Литература и жизнь не спешат признавать родство:
похождения новой «Гузлы»

Недавно в *The New Age* был помещён подробный отчёт Мэтью Арчера о встрече с Мирославом Эминовичем – лицом, претендующим на жизненное соответствие Мирославу-боярину из одноимённого романа Моппера. Автор этих строк надеялся, что соответствие сие будет наконец прояснено; что мы узнаем, наконец, кто такой Мирослав Эминович. На самом деле из очерка, опубликованного в журнале, можно узнать только то, что мистер Эминович носит в петлице жёлтую розу и что он когда-то руководил повстанческим движением против турок – т. е. набор необязательных и много раз повторяемых в прессе компонентов. И кажется, что Арчер и не хочет узнавать больше: вместо этого он заводит с Эминовичем пространный диалог о литературе и жизни, столь же необязательный и не относящийся к существу дела. Без сомнения, грубый розыгрыш, которым ответил Эминович на его разглагольствования, демонстрирует значительную разницу их умственных способностей (не в пользу Арчера).

Кажется, Арчер угодил в ловушку собственных эстетских представлений, поскольку, рассуждая о литературе и жизни, он не замечает, что предмет рассуждения – роман Моппера – не имеет отношения ни к тому, ни к другому. Роман «Мирослав боярин» по своему содержанию фантастический; а фантастика соотносится с жизнью и оправдывается ею тогда только, когда служит материалом для иллюстрации насущных жизненных идей и вопросов – чего в «Мирославе

боярине» нет ни грана, поскольку никто не сможет убедить меня в том, что Моппер хотел рассказать нам нечто кроме истории о злодее, гоняющемся за хорошими людьми и всячески им вредящем. И бессмысленно соотносить фантастику с правдой факта, уверяя, что вот-де реальный Мирослав – это можно делать либо по крайней наивности (на которую вряд ли способен взрослый англичанин), либо с неприглядной целью создания коммерческой сенсации, что, видимо, и имеет место в случае Моппера. Проспер Мериме, как истинный художник, был намного сдержаннее и не пытался выводить на публику персонажей «Гузлы» – у него было больше вкуса и такта оставить литературу литературой.

Герберт Уэллс

Письмо, полученное Г. Уэллсом 14 мая 1913 г.

Многоуважаемый мистер Уэллс,
не знаю, возьмёте ли вы на себя труд прочесть письмо от того, кого считаете литературной выдумкой. Однако рискну заявить, что вы ошибаетесь. Вы изъявили желание знать, кто я в действительности. Я с радостью это желание удовлетворю. Я готов ответить на ваши вопросы 16 числа, когда я буду у Алистера. Приходите к нам около 4 часов пополудни, мы с Алистером будем рады вас видеть.

Мирослав Э.

Из записных книжек Г. Уэллса

15 мая 1913. Этот Эминович, кажется, гораздо интереснее, чем его литературный двойник. Я не смог отклонить приглашения, хотя всем известно моё отношение к роману Моппера. Я всегда был из тех котов, которые, по пословице, умирают от любопытства.⁷

16 мая 1913, 19.00. Больше всего на свете мне хочется сейчас застрелиться. Что дёрнуло меня явиться на встречу, назначенную мне? Сейчас я лежу на диване и твёрдо знаю, что никогда больше не возьму в рот ванильного крема. Боже сохрани кого-либо от встречи с этим человеком!

23.00. Итак, у меня наконец достаёт духу вернуться к событиям сегодняшнего вечера и описать их по порядку, хотя делать это мучительно. Я приехал на такси к дому Моппера ровно в 16 часов, но прислуга, открывшая дверь, сообщила, что писатель нездоров.

– Он лежит в постели, – сказала она, – и к нему пришёл мистер Эминович навестить его. Вы можете подняться к ним вверх.

Она оповестила о моём прибытии, и я вошёл в спальню писателя. Моппер лежал на высоко взбитых подушках, бледный и осунувшийся; губы его были синеватого оттенка, и он с трудом приподнялся, чтобы поздороваться со мной. Когда он протянул мне свою сморщенную, как у обезьяны, руку, рукав полосатой пижамы задрался и я успел заметить пла-

стырь на запястье. Моппер быстро подтянул рукав на место, скрыв пластырь из виду.

– Как вы себя чувствуете? – спросил я, склонившись к нему. Он слабо улыбнулся.

– Спасибо, начинаю приходить в себя. Познакомьтесь, мистер Уэллс – это Мирослав Эминович.

Второй гость, присутствовавший в спальне, поднялся со стула мне навстречу. Я узнал его, хотя должен сказать, что описания его в газетах из рук вон плохи и не дают о нём никакого представления. У него узкое скуластое лицо, очень мужественное, несмотря на струящиеся длинные волосы, которые спускаются по сторонам чистого и довольно красивого лба; в нём нет ничего от пропахших бриллиантином красавчиков, наводнивших в последнее время Лондон. Пристальный и ироничный взгляд его тёмных глаз подчёркивают тонкие изогнутые брови, странно контрастирующие с густотой волос и усов. Он усмехнулся и подал мне руку; рука его оказалась необыкновенно сильной и необыкновенно горячей.

– Значит, вы – мистер Уэллс, мировой специалист по фантастике?

– Боюсь, я приехал не вовремя, – ответил я, – мистер Моппер болен...

– Это совершенно ничего не значит, – вмешался Моппер, – вы можете спуститься и побеседовать в саду. Тем более что Мирослав, – добавил он со сдавленным смешком, – меня изрядно утомил.

– Вы уверены? – боязливо спросил я; ещё вчера речь о болезни писателя не шла, и я чувствовал одновременно неловкость и опасения за него. Моппер натянул одеяло до подбородка.

– Абсолютно. Миссис Браун подаст вам чай в саду. Я распорядился накрыть там стол.

– Большое спасибо, мистер Моппер, – сказал я в смущении. Мирослав, однако, смущения не испытывал. Повернувшись ко мне, он произнёс:

– Пойдёмте. Оставим Алистера в тишине и покое.

Я последовал за ним в сад. Там, у самой стены, зелёной от плюща, в окружении кустов роз, можжевельника и остролиста, в самом деле был накрыт чайный столик. Мирослав жестом предложил мне сесть, сам сел напротив меня и внимательно уставился на меня своими карими выпуклыми глазами. Миссис Браун (это и была пожилая женщина, открывшая мне дверь) принесла чай.

– Итак, с чего мы начнём? – поинтересовался он. – С ванильного крема или с вопроса, кто я такой?

Я рассмеялся.

– Я бы выбрал и то, и другое. Я думаю, одно другому не помешает.

– Как знаете, – сказал Мирослав, поигрывая ложечкой. – Итак, если вас интересует – я Мирослав Эминович, представитель знатного рода из Слатины.

– Ага, – кивнул я. – И при этом одновременно портной и

бывший партизан из национально-освободительного движения. Все это уже слышали.

– Вы не верите? – переспросил Мирослав. Я пожал плечами.

– Это не имеет значения. Даже если это и правда, она никак не связана с романом. Кстати, этот ванильный крем гораздо удачнее всякой литературной стряпни: мои поздравления миссис Браун.

– Я рад, что вам понравилось, – радушно проговорил Мирослав. – Мне кажется, вот это печенье должно понравиться вам ещё больше. Скажите, а вещественное доказательство убедило бы вас в том, что я тот, о ком идёт речь в романе?

– Возможно, – сказал я с сомнением, не понимая, куда он клонит. Мирослав положил ложечку на скатерть.

– Я кое-что принёс сегодня специально для вас.

Он встал со стула и скрылся за живой изгородью. Я услышал, как хлопнула стеклянная дверь в доме, выходящая в сад; вскоре он возвратился. В руках он держал что-то тускло блестящее. Это оказался кривой восточный нож необыкновенной красоты; я видел раньше такие вещи только у богатых коллекционеров и догадался, что это может стоить целое состояние. Он положил нож на край стола. И ножны, и рукоятка были покрыты позолотой и украшены рубинами; на ножнах из рубинов был выложен прыгающий лев – а может быть, дракон, не знаю. Я потрогал потускневшее золото, понимая, что передо мною что-то редкостное и, безусловно,

очень старое.

– Это не турецкая работа, – сказал Мирослав, – вернее, турецкий только клинок. Остальное делали у нас. Магометанство запрещает изображать животных.

Он помолчал, потом прибавил:

– Этот нож описан в романе на пятьдесят девятой странице.

– Это ничего не доказывает, – возразил я. – Писатели сводят воедино самые разные предметы. К тому же вещь может быть изготовлена по литературному описанию.

Я и сам понимал, что последнее добавление – чепуха; тесак несомненно был старинным, но мне почему-то хотелось противоречить.

– Это не подделка, – Мирослав освободил клинок от ножен. – Это настоящая турецкая сталь, секрет которой утерян. И очень острая.

Он нагнулся и вытащил из зарослей можжевельника предмет, заставивший меня вздрогнуть. Это была корзинка с двумя беспородными щенками, белыми и мохнатыми. Что-то приковало меня к месту; не в силах пошевелиться, я наблюдал за его действиями, и за щекой у меня застрял кусок непрожёванного печенья. Приподняв решётку, Мирослав ловко выхватил одного щенка и, держа его на весу за хвост, взял в правую руку тесак. В одно мгновение он подбросил щенка в воздух и отсёк ему голову.

Окровавленная тушка шлёпнулась на газон в каких-то

трёх ярдах от меня. Тошнота подкатилась к моему горлу, я усилием воли заставил себя проглотить печенье, чтобы не подавиться. Мирослав стоял, спокойно и насмешливо улыбаясь, всё ещё держа клинок, испачканный кровью. Наклонив голову набок, он произнёс:

– Ваша очередь, мистер Уэллс. Покажите, что вы умеете.

Пот залил мне спину; я лихорадочно соображал, как избавиться от омерзительного предложения. Выдавливая, как из тубика, остатки любезности, я выговорил:

– Благодарю, мистер Эминович, но я не рискую повторять после вас. Бессмысленно с моей стороны пытаться вас превзойти во владении холодным оружием.

Он засмеялся – смехом, от которого мурашки забегали по коже, – перебросил нож в левую руку, вынул второго щенка и тем же движением рассёк его на лету. Меня мутило; но всё-таки я отметил, что он одинаково владеет и правой рукой, и левой. Стараясь не глядеть на собачьи головы на траве, я сделал большой глоток из чашки, чтобы подавить дурноту. Мирослав подошёл кон мне.

– Возьмите его себе, – сказал он, – это подарок.

Он протянул мне нож вместе с ножнами. Я не знал, что делать. Это была дорогая вещь, которой я не мог принять; к тому же на лезвии всё ещё оставалась кровь. Я пробормотал:

– Благодарю, но я не могу...

– Отказываться невежливо, – вкрадчиво сказал Миро-

слав, – боярин делает подарок.

Он вдвинул нож в ножны и положил его мне на колени.

– Большое спасибо, – на пределе собственной учтивости выговорил я. Запах ванильного крема, стоявшего на столе, был для меня невыносим. – Мистер Эминович, я буду ещё более благодарен, если вы покажете мне выход.

– С удовольствием, – промолвил Мирослав. Когда мы покинули ужасный газон, я собрался с силами спросить его:

– Зачем вы это сделали?

– Вы сами об этом просили, – прищурился Мирослав.

– Я? Просил вас? Не сочиняйте.

– Вы хотели узнать, кто я. Я ответил на ваш вопрос, причём средствами не литературы, а самой жизни. И не моя вина, что вы не пожелали прежде закончить чаепитие, сказав, что одно другому не мешает.

– Сейчас я прошу только об одном – дайте мне уйти.

– Пожалуйста, – презрительно ответил Мирослав.

Меня и до сих пор ещё мутит; едва я вышел из сада Моппера, как тут же меня вывернуло на тротуар. Подаренный мне нож я вымыл, но у меня не достало сил повесить его на стену, и я убрал его подальше с глаз долой. Господи, чего стоит всё то, во что я верю, и какой смысл во всём, с чем я столкнулся? Сейчас у меня единственное желание – поскорее забыть всё это.

Из Times от 21 мая 1913 г.

На студии «Золотой Парнас» продолжают съёмки «Мирослава боярина» по одноимённому роману Алистера Моппера. Большую эксцентричность проявляет Имре Микеш, или «Блестящий мадьяр» – звезда картины. Он настолько вжился в образ Мирослава, что одевается теперь только в чёрное, не исключая и белья, и выходит на улицу, запахнувшись в широкий чёрный плащ. Он также взял себе привычку повторять всем подряд: «Вы ещё придёте ко мне пить чай». Режиссёр в восторге от этой фразы; к сожалению, кинематографическими средствами её нельзя показать иначе как в виде надписи на экране. Некоторые трудности представляет поведение других актёров, начавших выказывать суеверные опасения на съёмках. Так, Лилиана Грей, занятая в роли Белинды, отказалась сниматься лёжа в гробу, в результате чего «Золотому Парнасу» пришлось увеличить её гонорар. Подобные происшествия затягивают съёмку фильма, который, надо полагать, будет выпущен на экраны в августе.

Из Times от 31 мая 1913 г.

Вчера, 30 мая с. г., в Лондоне состоялось подписание мирного договора между Османской империей и участниками коалиции, которого дожидалась вся Европа вот уже два года. По договору, большая часть европейских владений империи разделяется между балканскими странами-победительница-

ми и их союзниками. Пока ещё не вполне ясен статус Албании, получившей независимость лишь в прошлом году; имеется также ряд территорий, являющихся спорными, как-то: Добруджа с её угольным бассейном, земли в среднем течении Дуная и др.; но решение всех этих вопросов – дело ближайшего времени.

Это означает, что де-факто Османская империя прекращает своё существование; вопрос в том, сколько она ещё протянет номинально. Следующей задачей балканских народов, освободившихся после долгих веков турецкого угнетения, будет политическое переустройство по образцу европейской цивилизации, которое уже не за горами.

Письмо, полученное одновременно редакциями Times, The New Age и The Literate Modernity.

Уважаемые господа,

не знаю даже, как приступить к моему предмету. Как вам сказать, что вы не ведаете, что творите! И всё-таки я вынуждена предупредить вас, вопреки данному мистериу Мопперу слову молчать об этой истории. Думаю, я имею на это право, поскольку мистер Моппер и сам нарушил данное им слово. Если бы вы знали, кого вы принимаете в своих кабинетах и кому делаете столь усердную рекламу! Речь идёт о Мирославе Эминовиче, о котором, честно говоря, я, мой муж и мои друзья думали, что он навсегда уехал из Англии. Но

коль скоро он снова здесь – а это несомненно, я узнала его по журнальным описаниям и портретам, – то мой долг предупредить публику, с кем она имеет дело.

Знайте, что под именем Мирослава Эминовича скрывается омерзительное чудовище, которое вряд ли можно назвать человеком. Не кто иной как он повинен в ужасной смерти моей лучшей подруги. Воспоминания о происшестввиях того года так тягостны для нас, что нам пришлось покинуть Лондон. Меня до сих пор мучают ночные кошмары после того, что мне довелось пережить. Я не набираюсь сил посоветовать вам поступить с ним так, как поступили в романе; не набираюсь даже сил раскрыть моё настоящее имя. Об одном молю – прекратите эту рекламную шумиху, иначе вам скоро придётся горько об этом пожалеть.

«Элоиза Батлер»,
графство Йоркшир, 5 июня 1913 г.

Комментарий Times (7 июня 1913 г).

Мода на «Мирослава Боярина» и появление таинственного Мирослава Эминовича имеют характерные последствия. Неизвестно, кто эта особа, назвавшаяся «Элоизой Батлер», и вправду ли она знакома с Моппером; во всяком случае, её самоотождествление с героиней романа – явление достаточно распространённое и известное в психологии. Сам Миро-

слав Эминович по вполне понятным причинам отказывается комментировать это письмо; надо полагать, что дама, писавшая его, никогда не была знакома с Эминовичем, сведения о котором почерпнула из романа Моппера.

Без подписи.

Комментарий The New Age (№23/1913).

Письмо «Элоизы Батлер» ещё раз показывает, каково воздействие подлинно художественной литературы на человеческое сознание. Хотел того Моппер или не хотел, последствия написанного им глубже и шире, чем поспешные оценки иных критиков. Я далёк от того, чтобы всерьёз умиляться инфантилизму читательницы, вообразившей себя героиней романа; но это письмо свидетельствует о том, что Мопперу удалось нащупать какие-то сокровенные струны в человеческой душе. А что это, как не признак высочайшего писательского дарования?

Мэтью Арчер

Заметка из The Literate Modernity (№23/1913)

Ажиотаж вокруг «Мирослава боярина» и представленного нам в этом году Мирослава Эминовича достиг апогея пошлости. Мало публике «Мирослава» – теперь ещё объявилась «Элоиза». Нет, мы не шутим. 5-го числа нам в редакцию

пришло письмо за подписью «Элоиза Батлер», предусмотрительно закавыченной. Содержащейся в нём ахинеи мы даже не приводим здесь; скажем только, что за тоном этого письма чувствуется рука мистера Моппера, который не довольствуется уже поднятой шумихой вокруг романа и его предполагаемого героя и хочет поднять её ещё больше. И это тогда, когда издательства отказывают в публикации одарённейшим писателям, которые действительно смогли бы составить новую эру в литературе!

Бернард Кросс

Из The New Age, №24/1913.

Алистер Моппер и его сердитые критики

Недаром говорится, что литературная критика – лучшая школа злословия; мистер Кросс тому подтверждением. Он договорился до того, что обвинил Алистера Моппера в составлении подложных писем из жадности и любви к шумихе. Мне нет дела до того, кем был автор письма; но в очернении Моппера критик несколько переусердствовал, причём довольно недостойным образом. Негодуя по поводу «тщеславия» Моппера, Кросс начисто забывает – или сознательно умалчивает – о том, что писателю сейчас шестьдесят шесть лет и что до недавнего времени он не мог выбиться из нище-

ты, десятилетиями влача существование непризнанного драматурга; что признание он получил лишь пять лет назад, после выхода первого издания «Мирослава боярина», которое, однако, не обогатило его; что здоровье его очень слабо, и он в любой момент может оказаться инвалидом – было бы удивительно, если бы человек в его положении не сделал ничего, чтобы спокойно дожить свою старость. Что же касается талантливых писателей, которым якобы нет дороги, то Бернард Кросс явно демонстрирует ослабевание памяти. Не он ли не далее как три месяца назад зарубил «Портрет художника в юности» Джеймса Джойса, сочтя его непристойным для своего журнала?⁸ (Уж в «Мирославе боярине» самый взыскательный глаз не обнаружит непристойностей: вполне во вкусе мистера Кросса!)

Нет, пошлость заключается не в романе и не в его престарелом авторе, а в позиции мистера Кросса. Кросс принадлежит к категории рассерженных профессоров – т. е. тех, в чьем складе ума заложено брюзжание на несовершенство окружающего мира в сравнении с их собственными добродетелями. В своих выпадах против Моппера он проявляет столь же мало вкуса и мысли, сколь и в прошлогодних его нападках в адрес женщин-писательниц, нападках, над которыми можно только от души посмеяться. И если у нас неразвит литературный вкус, то лишь потому, что не развит критический метод; потому, что у нас до сих пор анализ текста подменяют личными нападками, нелепыми и неумными. Пока

это положение дел не переменится, публика будет по-прежнему предпочитать «Мирослава боярина», и я не решусь её за это упрекнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.